

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПРАЗДНИК
ПРОСВЕЩЕНИЯ
12 ЯНВАРЯ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 26

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 26. Произведения
1885–1889 гг. Праздник
просвещения 12 января
(Весь Толстой в один клик)**

Содержание

Лев Николаевич Толстой Праздник просвещения 12-го января0004
#2	0005
Предисловие к электронному изданию0007
#4	0009
#5	0011
ПРАЗДНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ 12-го ЯНВАРЯ. . .	0012
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ	0022
ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ «ПРАЗДНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ 12 ЯНВАРЯ».	0022
Комментарии А. И. Никифорова 130031
ПРАЗДНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ.	0031
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.	0038
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.	0040
Иллюстрации	0045

**Лев Николаевич
Толстой**

**Праздник просвещения 12-го
января**

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1936

Электронное издание осуществлено компаниями АBBYY и WEXLER в рамках краудсорсингового проекта «Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АBBYY

Подготовлено на основе электронной копии 26-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной Российской государственной библиотекой

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 26-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напи-

шлите нам report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

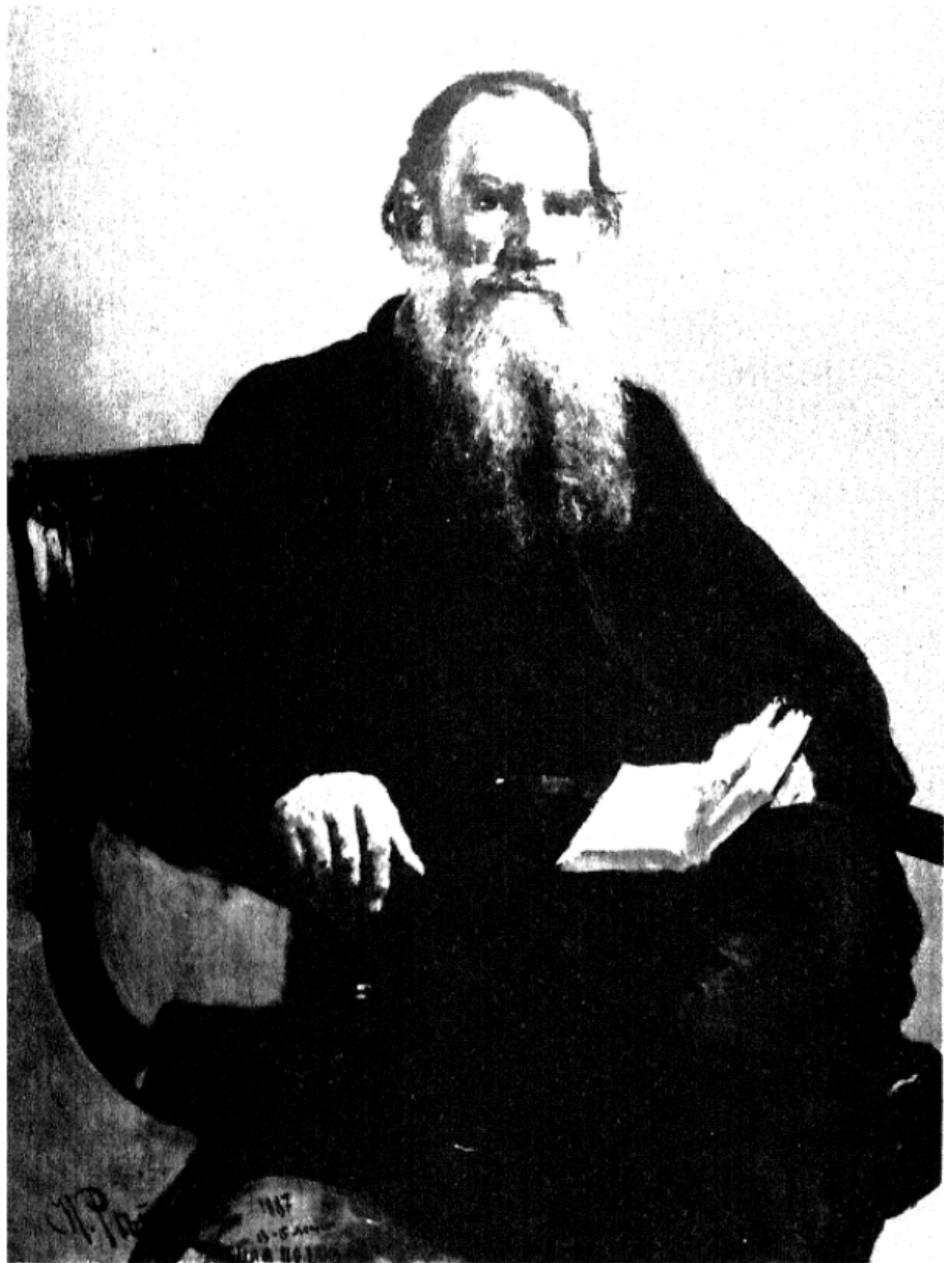
В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1887 г.

Портрет работы И. Е. Репина.

ПРАЗДНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ 12-го ЯНВАРЯ.

«Что может быть ужаснее деревенских праздников!» Ни в чем с такой очевидностью не выражаются вся дикость и безобразие народной жизни, как на деревенских праздниках. Живут люди буднями, умеренно питаются здоровой пищей, усердно работают, дружелюбно общаются. Так продолжается недели, иногда месяцы, и вдруг добрая жизнь эта нарушается без всякой видимой причины. В один определенный день все одновременно перестают работать и с середины дня начинают есть необычные вкусные кушанья, начинают пить заготовленные пиво и водку. Все пьют; старые заставляют пить молодых и даже детей. Все поздравляют друг друга, целуются, обнимаются, кричат, поют песни, то умиляются, то храбрятся, то обижаются; все говорят, никто не слушает; начинаются крики, ссоры, иногда драки. К вечеру одни спотыкаются, падают и засыпают где попало, других уводят те, которые еще в силах, а третьи

валяются и корчатся, наполняя воздух алкогольными зловониями.

На другой день все эти люди просыпаются больными и, понемногу оправившись, опять до следующего такого дня принимаются за работу.

Что это такое? Отчего это? А это праздник. Храмовой праздник. В одном месте Знаменье, в другом Введение, в третьем Казанская. Что значит Знаменье и Казанская, никто не знает. Знают одно, что престол – и надо гулять. И ждут этого гулянья, и после тяжелой трудовой жизни рады дорваться до него.

Да, это одно из самых резких выражений дикости рабочего народа. Вино и гулянье составляют для него такой соблазн, перед которым он не может устоять. Приходит праздник, и почти каждый из них готов одурманить себя до потери образа человеческого.

Да, дикий народ. Но вот приходит 12-е января, и в газетах печатается следующее объявление: «Товарищеский обед бывших воспитанников Императорского московского университета в день его основания, 12-го января, имеет быть в 5 час. дня в ресторане Большой

Московской гостиницы с главного подъезда. Билеты на обед по 6 руб. можно получать» (следует перечисление мест, где можно получать билеты).

Но это обед не один, таких обедов будет еще десятки, и в Москве и в Петербурге, и в провинции. 12-е января есть праздник старейшего русского университета, есть праздник русского просвещения. Цвет просвещения празднует свой праздник.

Казалось бы, что люди, стоящие на двух крайних пределах просвещения, дикие мужики и образованнейшие люди России: мужики, празднующие Введенье или Казанскую, и образованные люди, празднующие праздник именно просвещения, должны бы праздновать свои праздники совершенно различно. А между тем оказывается, что праздник самых просвещенных людей не отличается ничем, кроме внешней формы, от праздника самых диких людей. Мужики придираются к Знаменью или Казанской без всякого отношения к значению праздника, чтобы есть и пить; просвещенные придираются к дню Св. Татьяны, чтобы наестся, напиться

без всякого отношения к Св. Татьяне. Мужики едят студень и лапшу, просвещенные – омары, сыры, потажи, филеи и т. п.; мужики пьют водку и пиво, просвещенные – напитки разных сортов: и вина, водки, ликеры, сухие, и крепкие и слабые, и горькие и сладкие, и белые и красные, и шампанские. Угощение мужиков обходится от 20 коп. до 1 руб.; угощение просвещенных обходится от 6 до 20 рублей с человека. Мужики говорят о своей любви к кумовьям и поют русские песни; просвещенные говорят о том, что они любят *alma mater* и заплетающимися языками поют бессмысленные латинские песни. Мужики падают в грязь, а просвещенные – на бархатные диваны. Мужиков разносят и растаскивают по местам жены и сыновья, а просвещенных – посмеивающиеся трезвые лакеи.

Нет, в самом деле, это ужасно, это ужасно! Ужасно то, что люди, стоящие, по моему мнению, на высшей ступени человеческого образования, не умеют ничем иным ознаменовать праздник просвещения, как только тем, чтобы в продолжение нескольких часов сряду есть, пить, курить и кричать всякую бессмыс-

лицу; ужасно то, что старые люди, руководители молодых людей, содействуют отравлению их алкоголем, такому отравлению, которое, подобно отравлению ртутью, никогда не проходит совершенно и оставляет следы на всю жизнь (сотни и сотни молодых людей в первый раз мертвецки напились и навеки испортились и развратились на этом празднике просвещения, поощряемые своими учителями); но ужаснее всего то, что люди, делающие всё это, до такой степени затуманили себя самомнением, что уже не могут различать хорошее от дурного, нравственное от безнравственного. Эти люди так уверили себя в том, что то состояние, в котором они находятся, есть состояние просвещения и образования и что просвещение и образование дают право на потворство всем своим слабостям, — так уверили себя в этом, что не могут уже видеть бревна в своем глазу. Люди эти, предаваясь тому, что нельзя иначе назвать как безобразное пьянство, среди этого безобразия радуются на самих себя и соболезнуют о непросвещенном народе.

Всякая мать страдает, не говорю уже при

виде пьяного сына, но при одной мысли о такой возможности, всякий хозяин обегает пьяного работника, всякому неиспорченному человеку стыдно за себя, что он был пьян. Все знают, что пьянство дурно. Но вот пьянствуют образованные, просвещенные люди, и они вполне уверены, что тут не только нет ничего стыдного и дурного, но что это очень мило, и с удовольствием и смехом пересказывают забавные эпизоды своего прошедшего пьянства. Дошло дело до того, что безобразнейшая оргия, в которой спаиваются юноши стариками, оргия, ежегодно повторяющаяся во имя образования и просвещения, никого не оскорбляет и никому не мешает и во время пьянства и после пьянства радоваться на свои возвышенные чувства и мысли и смело судить и ценить нравственность других людей и в особенности грубого и невежественного народа.

Мужик всякий считает себя виноватым, если он пьян, и просит у всех прощения за свое пьянство. Несмотря на временное падение, в нем живо сознание хорошего и дурного. В нашем обществе оно начинает утрачиваться.

Ну, хорошо, вы привыкли это делать и не можете отстать; ну, что же, продолжайте, если уж никак не можете удержаться; но знайте только, что и 12-го, и 15-го, и 17-го января и февраля, и всех месяцев это стыдно и гадко, и, зная это, предавайтесь своим порочным наклонностям потихоньку, а не так, как вы теперь делаете, – торжественно, путая и развращая молодежь и так называемую вами же вашу младшую братию. Не путайте молодежь учением о том, что есть какая-то другая гражданская нравственность, не состоящая в воздержании, и какая-то другая гражданская безнравственность, не состоящая в невоздержании. Все знают, и вы знаете, что прежде всяких других гражданских добродетелей нужно воздержание от пороков, что всякое невоздержание дурно, в особенности же невоздержание в вине – самое опасное, потому что убивает совесть. Все знают это, и потому, прежде чем говорить о каких-нибудь возвышенных чувствах и предметах, надо освободить себя от низкого и дикого порока пьянства, а не в пьяном виде говорить о высоких чувствах. Так и не обманывайте себя и людей, главное –

не обманывайте юношей; юноши чувствуют, что, участвуя в поддерживаемом вами диком обычае, они делают не то и теряют что-то очень дорогое и невозвратимое.

И вы знаете это, знаете, что нет ничего лучше и важнее чистоты телесной и духовной, которая теряется при пьянстве; вы знаете, что вся ваша риторика, с вашей вечной *alma mater*, вас самих не трогает даже и вполпьяна и что вам нечего дать юношам взамен той их невинности и чистоты, которые они теряют, участвуя в ваших безобразных оргиях. Так не развращайте их и не путайте их, а знайте, что как было Ною, как есть всякому мужику, так точно есть и будет всякому – стыдно не только напиться так, чтобы кричать, качать, становиться на столы и делать всякие глупости, но стыдно даже и без всякой надобности, в ознаменование праздника просвещения, есть вкусное и отуманивать себя алкоголем. Не развращайте юношей, не развращайте примером и окружающую вас прислугу. Ведь сотни и сотни людей, которые служат вам, разносят вам вина и кушанья, развозят вас по домам, – ведь всё это люди, и люди

живые, для которых так же, как и для всех нас, стоят самые важные вопросы жизни: что хорошо, что дурно? чьему примеру следовать? Ведь хорошо еще, что все эти лакеи, извозчики, швейцары, русские деревенские люди, не считают вас тем, чем вы сами себя считаете и желали бы, чтобы другие считали вас, – представителями просвещения. Ведь если бы это было, они, глядя на вас, разочаровались бы во всяком просвещении и презирали бы его; но и теперь, хотя и не считая вас представителями просвещения, они видят в вас всё-таки ученых господ, которые всё знают и которым поэтому можно и должно подражать. И чему они, несчастные, научаются от вас?

Можно задать себе вопрос: что сильнее: то ли просвещение, которое распространяется в народе чтением публичных лекций и музеями, или та дикость, которая поддерживается и распространяется в народе зрелищами таких празднеств, как празднество 12-го января, празднуемое самыми просвещенными людьми России? Я думаю, что если бы прекратились все лекции и музеи и вместе с тем

прекратились бы такие празднества и обеды, а кухарки, горничные, извозчики и дворники передавали бы в разговорах друг другу, что все просвещенные люди, которым они служат, никогда не празднуют праздников объядением и пьянством, а умеют веселиться и беседовать без вина, то просвещение ничего не потеряло бы. Пора понять, что просвещение распространяется не одними туманными и другими картинками, не одним устным и печатным словом, но заразительным примером всей жизни людей, и что просвещение, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будет просвещением, а будет всегда только затемнением и развращением.

—

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ «ПРАЗДНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ 12 ЯНВАРЯ».

Въ газетахъ 9 января читается объявленіе.
Т[оварищескій] о[бѣдъ]
.....¹

И 12 числа будетъ этотъ обѣдъ и будетъ не только въ этомъ трактирѣ, но въ сотняхъ другихъ мѣсть.²

Живутъ мужики, бабы, обѣдаютъ, ужинаютъ, ложатся спать, встаютъ въ обычные часы, встрѣчаются, здороваются, бесѣдуютъ и расходятся по своимъ дѣламъ, работаютъ, отдыхаютъ, и вдругъ на нихъ что то находятъ: всѣ³ съ середины дня начинаютъ ѣсть необычныя вкусныя кушанья, начинаютъ пить заготовленныя пиво, водку, ѣдятъ пьютъ старики, средніе, юноши, ѣдятъ и пьютъ дѣти и бабы. Старые заставляютъ пить

молодыхъ и дѣтей. <Начинаются безсмысленные крикливые разговоры>. Всѣ поздравляютъ другъ друга съ чѣмъ то, пристають другъ къ другу съ виномъ, говорятъ другъ другу рѣчи. Глаза разгораются, голоса становятся крикливѣе, громче, глаза слезятся, люди <то обнимаются>, то умиляются, то храбрятся, то обижаются – всѣ говорятъ, никто не слушаетъ другихъ.⁴ Къ вечеру нѣкоторые спотыкаются, падаютъ, нѣкоторые засыпають, нѣкоторыхъ уводятъ и держатъ тѣ, которые еще въ силахъ, и нѣкоторые валяются и корчатся, какъ больные холерой, наполняя воздухъ алкогольнымъ, смѣшаннымъ съ ѣдой, зловоніемъ.

Что же это случилось? Ничего не случилось. Въ объясненіе этаго удивительнаго явленія вамъ отвѣтятъ только:

– А какже! Престоль, храмовой праздникъ.

Въ одномъ мѣстѣ Знаменье, въ другомъ Введенье, въ 3-мъ 10-я пятница, въ 4-мъ Казанская. Спросите, что значитъ Знаменье или Казанская, едва ли изъ 100 празднующихъ вы получите что-нибудь похожее на отвѣтъ отъ одного. Знаменье и кому, кто Казанская, никто не знаетъ. Знають одно, что престоль и

надо гулять. И ждутъ этаго гулянья и послѣ тяжелой трудовой жизни рады, дорвавшись до этаго гулянья. Несчастнѣйшій, заблудшій, дикій необразованный заброшенный народъ. И вы говорите про народъ, про его нравственность, его воззрѣнія, слышатся разговоры среди насъ людей высшаго образованія, развѣ можно говорить про нравственность и воззрѣнія животныхъ, это существа, напивающіеся при каждомъ удобномъ случаѣ, подъ предлогомъ престола и т. п. Это существа, стоящіе на предѣлахъ животнаго. Не даромъ оставлена для нихъ розга и проектируется распространеніе этаго средства управленія этими существами.

Слышишь эти разговоры, знаешь постоянное отношеніе или презрѣніе или съ высоты величія своего образованія, соболѣзнованіе нашего сословія къ этимъ полузвѣрямъ, и вдругъ приходитъ 12 Января, и цвѣтъ просвѣщенія, все считающее себя самой квинтэссенціей образованія <собирается по трактирамъ и> празднуетъ свой праздникъ такъ, какъ свойственно праздновать не полузвѣрямъ, а самымъ образованнымъ лю-

дямъ.

Положимъ, что поводъ празднества день св. Татяны, также мало связываетъ съ праздникомъ, какъ и знаменье или Казанская, и только есть поводъ къ тому, чтобы напиться, но разница большая.

Во-первыхъ, образованные люди начинаютъ ѣсть и пить не въ 11 часовъ, а въ 5 и 6, во-вторыхъ, ѣдятъ не студень и лапшу, а креветы, сыры, потажи, филеи и т. п., и пьютъ не одну сивуху, какъ полузвѣри, а водки усовершенствованныя разныхъ сортовъ, и вины сухія и мокрыя, крѣпкія и слабыя, горькія и сладкія, бѣлыя и красныя, и шампанское и *fine champagne*; ѣдятъ не на 20 копѣекъ, какъ звѣри, а на 6 и больше рублей, а пьютъ и на 20 и больше. Въ-третьихъ, говорятъ образованные люди не рѣчи о томъ, что они проздравляютъ и любятъ другъ друга и кумовей, а о томъ, что они любятъ *alma mater* и такія вещи, которыя они не только не любятъ, но которыя и любить нельзя, потому что нельзя понимать. Въ 4-хъ, образованные люди, когда падаютъ, то не падаютъ въ грязь, а на бархатные диваны, на которые ихъ относятъ лакеи.

Полузвѣри выходятъ на улицу, чтобы освободить желудокъ, образованные дѣлаютъ это и въ комнатахъ въ фарфоровые лоханки. Въ 5-хъ,⁵ что образованные люди празднуютъ не на улицѣ на виду людей, а въ закрытыхъ помѣщеньяхъ, гдѣ нельзя ихъ видѣть во всей ихъ праздничной красотѣ. Въ 6-хъ, звѣри, напившись пьяны, всегда просятъ прощенья <и всегда> чувствуютъ, что они дѣлаютъ скверно, образованные же люди гордятся своимъ пьянствомъ, радуются на это, съ удовольствіемъ готовятся къ этому, поминая прошлогодні подвиги.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ вѣдь это ужасно. Ужасно не то, что все то, что считаетъ себя цвѣтомъ образованія считаетъ, что ничѣмъ оно лучше не можетъ ознаменовать память о своемъ этомъ образованіи, какъ тѣмъ, чтобы собратъ поглотить въ желудки произведете труда людскаго на десятки тысячъ рублей⁶ и часовъ 10 сряду сидѣть, ѣсть, пить, курить и врать, и не то ужасно, что старые люди, професіональные учителя молодежи⁷ поощряютъ отравленія алкоголемъ молодыхъ людей, такое отравленіе, которое по даннымъ

ихъ же науки, какъ отравленіе ртутью, никогда не проходитъ безслѣдно на всю послѣдующую дѣятельность организма, не то ужасно, что люди, находящіеся въ обладаніи всего того, что сдѣлало человѣчество для своего сознанія, считаютъ похвальнымъ одурять самихъ себя, ужасно то, что эти люди, которые послѣзавтра съ заплетающимся языкомъ и опьяненными глазами будутъ лопотать всякій вздоръ, что для большинства людей нашего времени эти то люди суть учителя жизни нашего времени. Ужасно то, что эти люди такъ затуманили людей и самихъ себя, что имъ совершенно искренно кажется, что они, дѣлая то, что дѣлаютъ, могутъ продолжать соболѣзновать о невѣжественномъ, грубомъ народѣ, могутъ поучать его и что ихъ жизнь не имѣетъ въ себѣ ничего подобнаго тому, въ чемъ они укоряютъ народъ.

Ужасно то, что эти люди⁸ не могутъ оглянуться на себя разумно и не могутъ предъявлять къ себѣ нравственныхъ требованій, потому что считаютъ себя образованными, нрав[ственными?], т. е. непогрѣшимыми. Ужасно то освобожденіе отъ всякихъ нрав-

ственныхъ простыхъ жизненныхъ требованій, которое допустило для себя во имя такъ называемаго просвѣщенія извѣстное сословіе людей. Пользованіе проституціей <умѣренный развратъ>, роскошью всякаго рода, возбуждающія зрѣлища, театръ, обжорство, куреніе, пьянство, требованіе услугъ людей всякихъ сортовъ рабовъ, всякаго рода симонія, все это съ поразительной наивностью признается совершенно совмѣстнымъ съ хорошей нравственной жизнью.

Какой нибудь особенный развратъ,⁹ особенное воровство, да и то не вездѣ считается развратомъ. А то, чтобы человѣку пообѣдать, выпить, поѣхать на рысакѣ, въ театръ и еще куда-нибудь, это только самое невинное удовольствіе. Отъ этого то дошло дѣло до того, что безобразнѣйшая оргія,¹⁰ въ которой спаиваются юноши стариками, оргія ежегодно повторяющаяся, никого не оскорбляетъ и никому не мѣшаетъ похмѣлившись послѣ 12-го Января продолжать за стаканомъ вина и съ папирсой] о нравственности высокой говорить.¹¹ Гадко это и стыдно это.

Есть и всегда были и будутъ чистыя дѣти, съ нетронутой чистотой переходящіе въ юность. Эти юноши знаютъ и чувствуютъ, что¹² всякая нечистота тѣлесная, всякія возбуждающія зрѣлища, всякіе одурманивающіе напитки и куренья, затуманивающія совѣсть, есть безнравственность, что для нравственной жизни нужно не слова и рѣчи говорить за стаканомъ вина, а нужно самое простое – прежде всего воздерживаться отъ женщинъ, объяденія, роскоши, вина, куренья.

Юноши знаютъ это въ глубинѣ души, но какъ имъ устоять бѣднымъ, когда тѣ самые учителя ихъ, которыхъ имъ велятъ уважать, которымъ имъ велятъ подражать, учатъ ихъ, что это все мелочи, это все пустяки, есть нѣчто важнѣе. Господа, вѣдь вы знаете, что ничего лучше и важнѣе нѣтъ чистоты тѣлесной и духовной, что ничего вѣдь вы не нашли, что бы вамъ замѣнило ее. Вы знаете, что вся ваша риторика съ этой пошлой alma mater васъ самихъ не трогаетъ даже и въ полпьяна и что вамъ нечего дать юношамъ въ замѣнъ ихъ чистоты. – Такъ не развращайте

ихъ, не путайте ихъ. А знайте, что какъ было Ною, какъ есть всякому мужику, такъ точно есть и будетъ всякому распропрофесору не то что напиться такъ, чтобъ говорить глупо[сти], но возбудить себя даже рюмкой вина гадко и стыдно.

Но если ужъ вамъ такъ хочется этаго, то знайте, что это стыдно, и потому дѣлайте это потихоньку, а не съ гордостью и увѣренностью, что такъ надо. Это стыдно и гадко.

Комментарии А. И. Никифорова¹³

ПРАЗДНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Статья «Праздник просвещения 12 января» появилась впервые в газете «Русские ведомости» 1889, № 11 от 12 января. К статье дана и подпись: «10-го января 1889 г. Лев Толстой». С другой стороны первый черновик-автограф статьи начинается словами: «В газетах 9 января читается объявление»... Действительно под 9 января 1889 г. в «Русских ведомостях» помещено объявление: «Товарищеский обед бывших воспитанников Императорского московского университета в день его основания 12-го января имеет быть в 5 час. дня в ресторане Большой Московской гостиницы с главного подъезда. Билеты на обед по 6 р. можно получать: в канцелярии попечителя учебного округа, в кабинете VI-го отделения Окружного суда, в помещении совета присяжных поверенных, у гг. членов комитета общества для пособия нуждающимся студентам и у казна-

чая этого комитета Н. С. Тростянского (Спиритодоновка, дом Марконета)».

Сопоставление приведенных дат показывает, что статья написана 9—10 января 1889 года и тотчас же была отправлена для напечатания в газету.

Дневниковые записи Толстого 9—11 января 1889 г. (Толстой в это время был в Москве) хранят интересные подробности. 9 января: «Писал с утра статью, потом пошел к Гольцеву...»,¹⁴ 10 января: «Встал рано и до завтрака продолжал писать статью 12 ян[варя]. Пришел Гольцев. Прочел ему, он одобрил. Докончил и пошел в редакцию (Философовы довели). Великолепие необычайное. Книжники лицемеры. После обеда написал Поше.¹⁵ Погулял и, вернувшись, застал редактора. Потом Дунаев.¹⁶ Переправил статью, потом с Левой¹⁷ и Дунаевым пошли гулять в типографию», 11 января: «Утром Фомич¹⁸ одобрил статью... Грот защищал и пьянство и всё, что есть»... Эти записи показывают, что Толстой, написав статью 9—10 января, сам носил ее в редакцию «Русских ведомостей», а вечером того же 10 января имел какую-то беседу с ре-

дактором (и, может быть, под влиянием этой беседы «переправил» статью).

Хотя рукописи статьи сохранились не все, но и по сохранившимся картина работы Толстого над ней ясна. Первый черновик без заглавия, написанный 9 января 1889 г., печатается нами на стр. 657—660 и представляет первую, непосредственно отвечающую на газетный вызов, редакцию статьи (рукопись № 1). С этого черновика была сделана копия (рукопись № 2), которую Толстой очень крупно правит: сокращает строки 4—19 св. стр. 658 первой редакции; стр. 658, строки 39—46, стр. 659 строки 8—24 св., производит ряд логических и стилистических поправок, но общая правочная работа не меняет характера статьи первой редакции. Однако статья не удовлетворила автора, и он по новой несохранившейся копии правит текст еще раз. В результате этой правки получается новое начало, которое имеем в основном тексте, и ряд сравнительно несложных поправок всего текста. Текст всё еще остается без заглавия. Далее, может быть, под влиянием беседы с редактором «Русских ведомостей» правленный текст

копируется и правится еще раз (рукопись № 3). На этот раз Толстой дает статье заглавие и, исправив стилистически отдельные части статьи, зачеркивает в самом конце 1-й редакции слова: «Гадко и стыдно!» и вместо их приписывает заново большой конец со слов: «окружающую вас прислугу»... (осн. стр. 449, строка 32), кончая словами: «...ничего не потеряло бы» (основной текст стр. 450, строка 18). Повидимому, здесь же производятся довольно крупные вставки и в середину статьи. Эти большие вставки и новое начало позволяют говорить о второй редакции статьи. С нее была сделана еще копия, не сохранившаяся среди рукописей, правленная стилистически Толстым и снабженная новой концовкой (основной текст стр. 450, строки 18—23). Она и была передана в газету. Мы печатаем вторую редакцию в виде основного текста по газетному тексту «Русских ведомостей», но с поправками из рукописей. Важнейшие из них следующие:

стр. 447 строка 25 «Русские ведомости»: студень – наше издание по автографу: студень

стр. 448 строка 7 «Русские ведомости»; на-
пивались – *наше издание по автографу*: напи-
лись

стр. 449 строка 38 и стр. 450 строка 14 «Рус-
ские ведомости»; извозчики – *наше издание
по автографу*: извощики.

В 1890 г. статья «Праздник просвещения 12
января» была включена в 13 часть 8-го изда-
ния «Сочинений графа Л. Н. Толстого». Москва. 1890, стр. 343—349 и затем перепеча-
тывалась в последующих изданиях 9, 10, 11,
12 и др., а также выходила отдельными бро-
шюрами.

Работа над «Праздником просвещения» по-
родила неосуществившийся замысел. В Днев-
нике 5 ноября 1889 г., уже будучи в Ясной по-
ляне, Толстой записывает: «Хотел еще напи-
сать к Татьянину дню статью о том, чтобы
празднующие отпраздновали бы учреждени-
ем общества трезвости с забранием в свои ру-
ки кабаков и трактиров, как в Швеции»...

Статья «Праздник просвещения» вызвала
отклики газет того времени. См. Ю. Битовт,
«Граф Л. Толстой в литературе и искусстве».
М. 1903, стр. 216.

Сохранились следующие рукописи статьи, которые все находятся в АТБ, в папке XXIII:

1. Первый черновик-автограф, 4 л. белой писчей бумаги в 4-ку писан чернилами трех цветов: бледно-коричневые с желтоватым оттенком, бледные с синеватым оттенком и густые темно-коричневые. Таким образом автограф писан, повидимому, в три приема, без пагинации. Без заглавия. Последний 5-й листок недавно приобретен Государственным Толстовским музеем и хранится в его рукописном отделении. Текст содержит *первую* черновую редакцию статьи. По этому черновику мы издаем текст на стр. 657—660 буквально точно.

2. Копия с автографа на 4 л. тетрадной линованой бумаги в 4-ку, неизвестной рукой черными чернилами. Пагинация через лист: 1—2. Текст правлен Толстым коричневыми чернилами значительно (сокращения, переделки отдельных мест, правка стиля). Текст представляет общую правку первой редакции.

С рукописи № 2 была сделана копия, местонахождение которой неизвестно. Она имела

правку Толстым начала и отдельных частей текста, была без заглавия.

3. Копия с ненайденной копии неизвестной рукой, сохранившаяся в виде листов 1, 4, 9 и 10, на 4 лл. белой писчей бумаги в 4-ку. Чернила темнокоричневые. Заглавие рукой Толстого: «Праздникъ просвѣщенія 12 я» и правка отдельных мест, а также большой заново написанный конец светло-коричневыми чернилами. На несохранившихся листах были еще крупные вставки. Текст имел пагинацию по листам, от которой сохранились цифры: 1, 4 (3), 9. Текст представляет *вторую* редакцию статьи.

С № 3 существовала еще копия, местонахождение которой неизвестно. Правлена она была автором главным образом стилистически, но в нее вписана особая концовка. Эта копия, представляющая окончательный вид статьи, или копия с нее была послана в редакцию «Русских ведомостей».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В состав настоящего тома входят художественные произведения, над которыми Толстой работал в период времени с 1884 по 1889 год. Одно из них, именно «Холстомер», законченное в 1885 году, было, впрочем, начато еще в 1863 году. Пять печатающихся здесь произведений Толстого представляют собой неотделанные и незаконченные им наброски, из которых четыре (драматическая обработка легенды об Аггее, «Жил в селе человек – звать его Николай»; «Миташа» и статья «Благо только для всех») были опубликованы после смерти Толстого, отрывок же «В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь» публикуется впервые в настоящем издании. Помимо неопубликованных доселе вариантов отдельных эпизодов входящих в данный том произведений, здесь печатается целиком самая ранняя черновая редакция «Смерти Ивана Ильича». Сообщаются впервые также

исправления, сделанные Толстым в печатном экземпляре «Власти тьмы».

Из статей, вошедших в данный том, впервые появляются в печати: «Благо только для всех», «О Гоголе», «К молодым людям» и ряд вариантов трактата «О жизни». Ряд значительных вариантов дается к статье «Николай Палкин».

Работу по составлению алфавитного указателя произвел В. С. Мишин.

П. В. Булычев

Л. П. Гроссман

Н. К. Гудзий

А. И. Никифоров

Б. М. Эйхенбаум

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, *печатавшихся при жизни* Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех тех случаях, где они употребляются Толстым, и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (брычка, цаловать).

При воспроизведении текстов, *не печатавшихся при жизни* Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые, а также и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой

оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к^{ый}», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ] и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки

букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опiskой.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и

ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с

оговоркой в сноске: «Абзац редактора».

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия портрета Толстого раб. И. Е. Репина – между XII и 1-й страницами.

После пунктира зачеркнуто: Мы такъ привыкли. Людямъ свойственно привыкать къ поступкамъ.

[^^^]

Зачеркнуто: соберется цвѣтъ образованія и просвѣщенія, профессора, студенты и во имя образованія и просвѣщенія будутъ ѣсть, пить, курить и врать. Поглощено будетъ желудками трудовъ людскихъ въ формѣ всякихъ гастрономическихъ и алкогольныхъ продуктовъ на десятки тысячъ рублей, сотни, пожалуй, тысячи людей молодых и старыхъ приведутъ себя въ скотское состояніе, подвергнутся тому отравленію, которое, по даннымъ науки, никогда не проходитъ совершенно.

Бывало ѣдешь дорогой на почтовыхъ и ѣдешь черезъ поля и село, вездѣ люди, какъ люди, работаютъ и отдыхаютъ. И вдругъ пріѣзжаешь въ одну деревню и сразу

[^^^]

3

Зач.: начинают, нѣкоторые до обѣда, а большинство во время и послѣ него.

[^^^]

4

Зач.: говорятъ, всѣ кажутся довольными и
подъ конецъ.

[^^^]

Зачеркнуто: дворѣ

[^^^]

6

Зачеркнуто: напиться пья[но]

[^^^]

7

Зач.: профессора содѣйствуютъ

[^^^]

8

Зач.: наивно счита[ютъ]

[^^^]

Зач.: убі́йство

[^^^]

Зачеркнуто: ежегодно

[^^^]

Зач.: Но время это проходить. Было время, когда можно было дѣлать эстетическіе аѳинскія вечера и зарождаются и есть люди съ простыми и ясными требованіями нравственности отъ себя и другихъ. И,

[^^^]

12

Зач.: блескъ нравственность

[^^^]

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва);

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва);

Б, I; Б, II; Б, III; Б, IV – П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», Государственное издательство: I – М. 1923; II – М. 1923; III – М. 1922; IV – М. 1923;

БИР. 1913 — «Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого» тт. I – XX. Под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова, изд. Сытина. М. 1913;

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина (Москва);

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва);

ГТМ – Государственный толстовский музей (Москва);

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград);

ЛПБ – Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ле-

нинград);

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1862—1910» Изд. 2 М. 1915;

ПС – «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Стравовым» изд. Общества толстовского музея. СПб 1914;

ПТ – «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». изд. Общества толстовского музея. СПб 1911;

ПТС 1; ПТС 2 «Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко» изд. «Книга» 1 – М. 1910, 2 – М. 1911;

ПТСО – «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко, под ред. А. Е. Грузинского, изд. «ОКТО». М. 1912;

ТЕ, 1911, 1912, 1913 – «Толстовский ежегодник» 1911 г., 1912 г., 1913 г.;

ТТ 1; ТТ 2; ТТ 3; ТТ 4 – «Толстой и о Толстом. Новые материалы». Сборники: 1 – М. 1924, 2 – М. 1926, 3 – М. 1927, 4 – М. 1928.

—
[^^^]

В. А. Гольцев (1850—1906) один из соредакторов «Русской мысли», сотрудник «Русских ведомостей», до начала журнальной деятельности читал лекции в московском университете.

[^^^]

П. И. Бирюков.

[^^^]

А. Н. Дунаев – директор Московского торгового банка, знакомый семьи Толстых, близкий Толстому по взглядам.

[^^^]

Л. Л. Толстой, сын Толстого.

[^^^]

Михаил Фомич Крюков, лакей в семье Тол-
стых.

[^^^]